

времени, с полемикой между Шефтсбери и МанDEVИЛЕМ, между эмпириками и лейбницианцами, прочесть рецензию на «Сказку о бочке» Свифта и «Персидские письма» Монтескье и т. д. Словом, во Францию Тредиаковский прибыл, уже хорошо зная современное состояние просветительской мысли.

Парижский период жизни Тредиаковского также совсем еще не изучен. Уже упоминавшаяся работа П. Н. Беркова намечает путь, по которому надлежит вести исследование. Мы пока не можем представить себе даже приблизительно университетскую науку, с которой познакомился Тредиаковский в Париже. В какой-то мере осветить это поможет анализ основной литературно-критической работы Роллена, вышедшей в свет как раз ко времени прибытия Тредиаковского в Париж.¹³ По свидетельству Миллера, Тредиаковский «хвалился, что в Парижском университете был слушателем знаменитого Роллена».¹⁴ Привязанность Тредиаковского к Роллену общеизвестна; переводу его «Древней» и «Римской» историй Тредиаковский посвятил 20 лет своей жизни. Чем же мог так привлечь молодого студента старейший профессор Парижского университета?

Вольтер в своих примечаниях к острополюемической поэме «Храм вкуса» поместил очень сочувственный отзыв о Роллене: «Шарль Роллен, прежний ректор университета и профессор королевского коллежа, был первым человеком в университете, который написал хорошо на французском языке руководство для юношества и который рекомендовал изучать наш язык, столь необходимый, и однако так пренебрегаемый школами. Его книга „Traité des études“ дышит хорошим вкусом и здравой литературой. Его только упрекают в том, что он впадает в скрупулезность. Он удаляется от хорошего вкуса, когда хочет шутить...».¹⁵

Действительно, свое руководство Роллен начинает с указаний по методике изучения языков, поставив на первое место изучение французского, а уже потом латинского и греческого языков. Об этом руководстве Тредиаковский позднее писал: «... но он возмнил наконец, что слава за искусство в тех обоих языках (греческом и латыни, — И. С.) приличествует паче или Геродоту, как греку, по сладости греческого, или ж Ливию, как римлянину, по красоте римского. Ему, как французу честнее будет, когда покажет умение свое в нежности французского: ибо в сем он обществе родился, вскормился, обучился, а потому для пользы сему точно и жить, и знать, и действовать долженствует... С сим намерением издал он природным себе языком книгу, состоящую в четырех томах,

¹³ Ch. Rollin. De la maniere d'enseigner et d'étudier des belles lettres pour rapport a l'esprit et au coeur. Paris, 1726—1728, № 1—4.

¹⁴ П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 9.

¹⁵ Voltaire. Oeuvres complètes, t. 6. Paris, 1859, p. 55.